

УДК 39(=511.131)

**Т. Г. Миннихметова**

## **О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРИЕНТАЦИИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ**



В этнической картине мира присутствуют представления о сторонах света и границе, которые часто не имеют четких рубежей или пределов, но всегда учитываются и без которых даже немислимы действия и поступки. Представления о пространстве всегда в какой-то мере основаны на представлениях о времени, и всякая ориентация в пространстве предполагает ориентацию и во времени. До сих пор и у разных народов наблюдаются существенные особенности в этом понятии. К примеру, ориентация в пространстве заметно была отражена в размещении священных мест и обустройстве хозяйственного комплекса: всегда учитывались расположение жилищных, хозяйственно-бытовых, сакральных объектов и их позиция на участке в целом. Как это происходило в реальности – предлагается рассмотреть в данной статье, учитывая временные и пространственные параметры, основанные на традиционных представлениях удмуртов и до сего дня довольно заметно сохраняющиеся в языке и ритуальной практике.

*Ключевые слова:* время, пространство, граница, стороны света, ориентация, дни, удмурты.

Наличие картины мира в обыденной жизни менее осознанно: человеческие поступки инертны и необдуманны, или же картина мира существует независимо от действий человека. Но при совершении обрядов создается особая ситуация, когда человек вступает в непосредственный контакт с картиной мира и она сама начинает «диктовать», как поступать и действовать. Этническая картина мира не проста, и в ней однозначно присутствуют представления о *сторонах света* и *границе*, часто не имеющих четких рубежей или пределов, но без их учета даже немислимы действия и поступки.

Представления о пространстве всегда в какой-то мере основаны на представлениях о времени, и всякая ориентация в пространстве предполагает ориентацию и во времени. Мы уже привыкли при ориентации и во времени, и в пространстве придерживаться западных образцов и только с трудом можем догадываться, как это было в прошлом. И поныне у разных народов наблюдаются существенные особенности в представлениях об этом понятии. Чтобы разобраться и подробнее



понять эти особенности, обратимся к картине мира и вытекающим из нее поведению и действиям человека. К примеру, ориентация в пространстве заметно была отражена в размещении священных мест и обустройстве хозяйственного комплекса: всегда учитывались расположение жилищных, сакральных, хозяйственно-бытовых объектов и их позиция на участке в целом.

Начнем с рассмотрения представлений о направлениях частей света, при этом учитывая, что человек определяет стороны света по отношению к самому себе; что наглядно и четко отражается в языке. Например, когда мы изображаем направления частей света на схеме, то север привычно размещается у нас наверху, а юг, соответственно, – внизу. Но если мы представим сакральное пространство, то схематически здесь все располагается наоборот: при горизонтальном отображении юг всегда отдален от изображающего и изображающий находится в северной точке; другими словами, юг находится перед изображающим. В связи с таким расположением севера и юга, соответственно, противоположным образом находятся восток и запад: восток – по левую руку, запад – по правую. Здесь следует оговориться: с понятием «юг», или «светлая сторона» (*югыт пал*), ассоциируется не только юг, но и юго-восток. Такое восприятие направлений света четко взаимосвязано в языке с понятиями о времени.

Понятием «юг» обозначается словосочетание *лымшор (пал)* ‘середина дня (сторона)’; восток – *шунды жэужан (пал)* ‘сторона восхождения солнца’; но есть еще и другое понятие, которым, возможно, параллельно пользовались в прошлом. Это – *азь* ‘перед; передний’, то есть сторона света, находящаяся спереди или в передней части. Такое понятие осталось в слове *корказь (корк(а)+азь)* ‘дом+перед / дворовый фасад’, передняя часть дома, то есть входная часть, традиционно направленная на восток или юго-восток.

Понятие «север» передается как *уй (пал)* ‘ночь(ная) (сторона)’, «запад» – *шунды пуксён (пал)* ‘сторона, где садится солнце’, то есть при ориентировке с домом сторона света, находящаяся сзади; есть такое понятие *корка бер* – задняя часть дома, что относится к северо-западной стороне.

Следующий пример также раскрывает совпадение понятий *азь* и юго-восток; при выборе места для строительства нового дома соблюдалось некое правило: следовало отодвинуть местоположение хотя бы на полшага вперед (*жсыны вамышлы ке но азьпала*), то есть к юго-востоку. Если же предыдущее местонахождение не нравилось или не подходило в силу реальных и суеверных причин, то новый дом строили в другом месте, но при этом опять же учитывая направление его перемещения: лишь юго-восточная сторона была желаемая и приемлемая. Естественно, новый дом при этом строился в собственном же дворе, но не располагался за хозяйственными и производственными объектами. Компонент *азь* и его ассоциация с востоком / юго-востоком прослеживается в языке при обозначении чередования дней во времени: *толон* – тот-день (‘вчера’), *вадлян* – перед день (‘позавчера’; означает день, прошедший впереди вчерашнего дня, т. е. слово «впереди» соотносится с ориентацией человека, смотрящего вперед), *вадлянлэсь азьло* – до / перед перед день (‘поза-позавчера’; означает день, прошедший раньше или вперед позавчерашнего дня). Компонент *азьла-* в удмуртском языке означает движение вперед, то есть то, что может происходить впереди человека.



Совершенно обратными оказываются *чуказе* – ‘завтра’, *чуказе бере* – за тем, что за / после завтра (‘послезавтра’; день, который придет после завтрашнего дня или день, идущий сзади завтрашнего дня); *чуказе берелэсь бере* – ‘после-послезавтра’ (день, грядущий или идущий позади послезавтрашнего дня). *Бере* означает ‘сзади или позади’, то есть *сзади* или *за* спиной человека.

Задняя сторона и передняя сторона напрямую указывают на заднюю и переднюю части чего-либо, и в данном случае – направления частей света по отношению к человеку. Не случайно посторонним наблюдателям прошлых столетий планировка удмуртских деревень казалась беспорядочной; о ней упоминается следующим образом: «вотяцкую деревню можно с первого взгляда отличить по чрезвычайно бестолковому расположению домов. Избы стоят в таком беспорядке, что одна изба упирается часто задним углом в переднюю стену соседней избы, или же она стоит боком к задней стене другой, а то так – две соседние избы смотрят лицом совсем в противоположные стороны» [1. С. 5]. В другом описании читаем: «В вотской деревне нет улиц, вдоль которой стояли бы чинно избы, лицом друг к другу. Здесь всякий строился, как ему казалось удобным. Каждая семья старалась точно обособиться от других. Изба зачастую повернута спиной к прохожему, а окнами глядит на свой собственный двор» [5. С. 23]. При отсутствии точных описаний и объяснений таким заключениям остается только догадываться, что именно имелось в виду и почему домашние постройки располагались таким «странным» образом.

Наиболее ярко подобное представление отражается в ориентировке сакральных мест и в отношении к ним. До сего дня хорошо известно, что в большинстве случаев вход в святилище располагается в его северной (северо-западной) части: если участок огорожен, то это калитка, а если святилище без ограждения, то это предусмотренный для пересечения границы небольшой участок. Известно также, что наиболее сакральная часть расположена на южной (юго-восточной) стороне святилища, где участок табуирован для местонахождения кого бы то ни было и при чрезвычайной необходимости туда может проникать только жрец, при этом – не поворачиваясь спиной к югу.

Такие правила объясняют еще раз, что изображение святилища немислимо, если находиться на его южной точке (что запрещено), а описывать то, что за спиной, не представляется возможным. При такой ориентации и схематизации проясняется и гендерное разделение пространства, особенно наглядно демонстрируемое в священных местах при проведении обрядов: на левой стороне – место пребывания женщин; на правой стороне – мужчин. Снова мы сталкиваемся с представлением о том, что юго-восток – перед нами, а северо-запад – за нашей спиной.

При вертикальном же делении пространства юг и светлая сторона занимают верхнюю позицию (и солнце светит сверху), а север и темная сторона – нижнюю. Нам хорошо известны подобные схемы по расположению сакральных мест, связанных с представлениями о наземном и потустороннем мирах. Так, объекты верхней позиции *вылэ мычон* – сооружение или место для выставления ритуальной пищи богам и духам; *мудор* – *воршудная* полка в святилище *куала*; *жсӧк* – стол и обращение с ними и в повседневное, и в ритуальное время имеют свою



специфику. Север маркировал низ, и с понятием «низ, нижнее» в первую очередь ассоциируются кладбище и места почитания усопших, которые, как правило, располагаются к северу или северо-западу от населенного пункта; место развешивания костей при проведении обряда *йыр-пыр сётон* 'дарение головы-ног' или *кырвонэз / курбонэз быдтон* 'искоренение / избавление от долгов', *лы келян* 'отправление / проводы кости / костей' располагается за пределами деревни к северу от нее или на самом кладбище. Другое объяснение представления о местонахождении потустороннего мира внизу отражено в расположении кладбищ – кроме размещения к северу от деревни, также еще и ниже по течению реки. Известно и специальное место для выкидывания при смерти надетой одежды и отходов от строительного материала для сооружения гроба, называемое *кур куян* или *шелеп куян* – '(место) выбрасывание(ия) коры (дерева) или стружек'. Обычно такое место располагается за пределами деревни – в логу или овраге. В прошлом это место служило и для других целей. У. Хольмберг описывает: «На месте бросания луба видны также маленькие, высотой в пол-локтя, деревянные памятники, перед которыми обычно стоят маленькие столики на одной ножке. На те столики кладут жертвенную еду. Этот кусок дерева – место обитания самого умершего, значит какой-то его образ. Сегодня вотяки делают такое только для умерших в чужой местности, т. к. *урт* умершего, как объяснял один старик-вотяк, без этого не вернется в родную местность, к близким» [4. С. 51–52]. Это представление сохраняется также в обрядах *уллань вандон* – 'жертвование нижним' (букв. 'закалывание вниз') или же *уллань сётон* букв. 'отдавание / дарение вниз / нижним', *уллань вöсьяскон* 'жертвование / моление вниз / нижним'. Варианты названий обряда прямо связаны с понятием «низ / вниз, нижний» и т. п., на самом деле здесь имеется в виду закалывание жертвы, располагая головой к северо-западу, что значит вниз, книзу. Подобное представление отражено в способах расположения умершего в могиле: головой вниз, то есть к северо-западу. В противоположность этому в повседневной жизни рекомендуется спать головой к юго-востоку. Такие особенности в обрядовых и бытовых действиях и поступках демонстрируют совпадение понятий «северо-запад» с понятием «низ / нижний».

Ассоциация потустороннего мира с севером и ночным временем суток отчетливо наблюдается в поминально-обрядовом комплексе: например, названия поминальных обрядов после смерти человека включают компонент *уй* – 'ночь' и передаются как *куинь уй* 'три ночи', *сизьым уй* 'семь ночей', *ньильдон уй* 'сорок ночей'. Проведение поминок начинается после обеда, в сумерки, до полночи и проходит в основном в темное время суток. Противоположность солнечному дню соблюдается при подготовке, проведении и завершении поминального обряда: все действия должны выполняться в обратном солнечному движению порядке: *шундылы пумит* 'против (направления движения) солнца'. Согласно такому правилу, хлебо-булочные изделия для выпекания расставляют в печи, начиная с переднего угла и «против солнца». При выставлении угощений на стол также соблюдают порядок действий, совершая их против часовой стрелки. Завершая обряд, выставленные угощения для усопшего выносятся на улицу и выливаются и выбрасываются в северном от дома направлении, или, как можно видеть в описании Ю. Вихманна: «После поминок выставленные у печи чашки бросают



у (полевых) ворот, ведущих на деревенское кладбище. Содержимое едят собаки. Утром чашки забирают обратно» [8. С. 26].

Дихотомическое соотношение верх-низ наглядно прослеживается в родственных финно-угорских языках, где понятие «ночь» связано с понятием «север». Как и в удмуртском языке, в них север традиционно называется ночной стороной: *уй* 'ночь' / *уй пал* 'ночная сторона'. В прибалтийско-финских же языках север ассоциируется еще и с понятием 'дно'. Сравните: фин. *pohjola* 'север' (досл. 'отдаленная местность', восходит к слову *pohja* 'дно'), эст. *põhja* 'дно'. Дно представляется как статическое понятие (дно ямы, где всегда холодно), а антонимом ему выступает направление движения вперед, в ту сторону, где тепло: фин. *etelä* 'юг'. Сравните: эст. *ees*, венг. *elöl*, манс. *ēl*, хант. *il* 'вперед' [3. С. 421]. В удмуртском языке с этим связано понятие *дунне пыдсы* – 'в дно земли', когда говорят, что умерший уходит «на дно земли / мира». Такие понятия снова подтверждают представления о юге как стороне, находящейся впереди человека, а о севере – как располагающейся позади него.

Рассмотренные понятия отражают и границу или граничащие и тем самым ограничивающие(ся) зоны. Граница же сама воспринимается или как внешняя, или как внутренняя, и каждая обладает независимостью и самостоятельностью, однородностью и индивидуальностью, хотя все эти восприятия лишь относительны; и ее отграниченность друг от друга проявляется в пространственных, и временных измерениях. Для определения понятия границы хочу обратиться к предложенной Ю. М. Лотманом характеристике: «в пограничных точках непрерывность пространства нарушается, граница всегда принадлежит лишь одному пространству – внутреннему или внешнему – и никогда обоим сразу» [2. С. 262]. На самом деле, воспринимаемое как «граница» пространство является, скорее, частью двух рубежей, чем границей между ними. Следовательно, как принято считать, «эти «границы» и представляют опасность, потому что они не являются самостоятельными пространствами» [7. С. 74]; практически границы нет. Такое представление отражено в следующих понятиях, как, например, *возь тум / дур* или *возьлэн пумыз / дурыз* 'конец, край, предел луга'; слова и понятия *межа* с тем же значением и *гож / кунгож* 'линия, черта / государственная граница' – скорее явление более позднее. Представление о границе или понимание чего-то как границы подразумевает и определенное отношение к ней: граница всегда воспринимается по-особому [6. С. 141, 148]. С чем это связано? Пересечение какой бы то ни было границы качественно меняет человека: в пределах одного пространства он обладает одним состоянием, а перейдя границу, обретает другое состояние; в то же время наличие человека в пределах одного или другого пространства соответственным образом меняет «качество» того или иного пространства, что всегда происходит параллельно со временем. Как это происходит в реальности, мы и попытались рассмотреть, учитывая временные и пространственные параметры, основанные на традиционных представлениях удмуртов и до сего дня довольно заметно сохраняющиеся в языке и ритуальной практике.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вотяки // Природа и люди. 1878. № 8. С. 2–9.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 257–268.



3. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.

4. Садиков П. П., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Ин-т этнологич. исслед. УНЦ РАН, 2010.

5. Харузина В. Н. Вотяки. М.: Изд-во Общества распространения полезных книг, 1898.

6. Minniyakhmetova Tatiana. On Structuring of Spaces and Boundaries. Mare Kõiva (ed.). The Ritual Year 6: The Inner and the Outer. The Yearbook of the SIEF Working Group of the Ritual Year [Proceedings of the Sixth International Conference of The SIEF Working Group on The Ritual Year. Tallinn, Estonia, June 4–7, 2010]. Tartu: ELM Scholarly Press, 2011. С. 141–150.

7. Minnijahmetova Tatyjana. Az ismeretlen ismerős. Tanulmányok a baskortozstáni udmurtok vallásáról. Budapest: L'Harmattan, 2015.

8. Wichmann, Yrjö. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonnollisista meinoista ym. / Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto, kotelo 727. Udmurtilaisaineistoa. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1894.

Поступила в редакцию 26.08.2016

**T. G. Minniyakhmetova**

### **On Some Particular Features of Orientation in Time and Space**

In an ethnic worldview quarters and borders do not have clear and distinct frontiers and limitations but they are always taken into account, and humans' activities and behaviour are unthinkable without them.

Conception of space is referred in any way to the conception of time, and each orientation in space supposes also the orientation in time. Thus far, essential peculiarities in this conception can be observed in different ethnic cultures. For instance, orientation in space was obviously reflected on mastering and arrangement of the sacred places and economic complexes: it was necessary to consider the location of living, economical and domestic and sacral objects and their position to each other on a whole site.

How did it occur in reality? The article proposes to discuss this question taking into account the temporal and spatial parameters based on the Udmurts' traditional beliefs which have been preserved in the language and ritual practice till nowadays.

*Keywords:* time, space/room, border, quarters, orientation, days, Udmurts.

**Миннияхметова Татьяна Гильнияхметовна,**  
кандидат исторических наук, доктор философии, научный сотрудник,  
Институт истории и европейской этнологии университета Инсбрука  
Инрейн 52 d, A-6020, Инсбрук, Австрия  
E-mail: tatiana.minniyak@uibk.ac.at; minnijah@hotmail.com

**Minniakhmetova Tatiana,**  
Candidate of Sciences (History), Doctor of Philosophy, Research Fellow,  
Institute for History and European Ethnology of the University of Innsbruck  
Innrain 52 d, A-6020, Innsbruck, Austria  
E-mail: tatiana.minniyak@uibk.ac.at; minnijah@hotmail.com